
УДК 94(470.6) «1917/1991»

ББК 63.3(235.7) 613-2

П 16

А.А. Панарин,

доктор исторических наук, профессор Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир, тел. 8-(918)-474-30-71, e-mail: panarin.arm@mail.ru

**Роль колхозов в хозяйственной жизни
Дона и Северного Кавказа в условиях
кульминации НЭПа (1924 — 1927 гг.)**

(Рецензирована)

Аннотация. Актуальность статьи связана с необходимостью изучения и творческого использования элементов позитивного опыта деятельности колхозов в процессе модернизации сельского хозяйства страны. Целью исследования является изучение роли колхозов в хозяйственной жизни Северного Кавказа в середине 1920-х гг. Задачи исследования состоят в рассмотрении деятельности различных видов колхозов и анализе их результатов. Предметом исследования является сельское хозяйство в период НЭПа. Объектом исследования стала производственная деятельность колхозов Дона и Северного Кавказа. В результате исследования выявлены противоречивые результаты деятельности колхозов в хозяйственной жизни Дона и Северного Кавказа.

Ключевые слова: колхозы, новая экономическая политика, хозяйственная жизнь, Дон, Северный Кавказ.

A.A. Panarin,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Armavir State Pedagogical Academy, Armavir, ph. 8-(918)-474-30-71, e-mail: panarin.arm@mail.ru

**Role of collective farms in economy
of the Don and North Caucasus regions at the culmination
of the New Economic Policy (1924 — 1927)**

Abstract. Relevance of the paper is related to need to study and use positive experience of collective farm activity in the course of agriculture modernization in the country. Research objective is studying a role of collective farms in economic life of the North Caucasus in the mid-twenties. Research problems are related to consideration of activity of various types of collective farms and to the analysis of their results. The subject of research is the agriculture in the period of the New Economic Policy. The production activity of collective farms of the Don and North Caucasus regions has become the object of research. Inconsistent results of activity of collective farms in economic life of the Don and North Caucasus regions are revealed.

Keywords: collective farms, new economic policy, economic life, the Don region, the North Caucasus.

Наступившая в середине 1920-х гг. кульминация НЭПа способствовала активизации хозяйственной жизни в стране. Одним из наиболее динамично развивающихся регионов являлся Северный Кавказ, аграрная специфика которого, прежде всего, проявлялась в

расширении различных форм и видов производственной деятельности крестьянства и казачества. Отдельным ее направлением являлось колхозное движение. Развитие колхозов в середине 1920-х гг. проходило под воздействием двух противоположных по своему

характеру факторов: стремлением большевистской партии к расширению социалистического сектора экономики в деревне и объективных процессов укрупнения сельскохозяйственного производства.

Руководство большевистской партии на данном этапе признавало важность экономических предпосылок в вопросах колхозного строительства. В резолюции XIII съезда РКП(б) отмечалась неподготовленность перехода к массовой коллективизации, звучали предостережения по поводу нерасчетливой поспешности, излишней регламентации, всякой погони за формой и за числом. Мерой действительного успеха в течение ближайших лет определялся не количественный, а качественный рост колхозов [1].

Благоприятным условием развития колхозного движения являлась экономическая и политическая стабильность в стране. В частности, в конце 1924 г. было фактически покончено с проявлениями политического бандитизма, в том числе направленного против колхозов. Одним из последних таких событий на Северном Кавказе стал разгром бандой Шершнева в июле 1924 г. коммуны «Красный Труд», при котором было убито 24 человека [2].

В течение 1924 — 1925 гг. параллельно с процессами хозяйственного возрождения деревни число колхозов неуклонно увеличивалось. Так, если на 1 января 1924 г. в Северо-Кавказском крае насчитывалось 589 колхозов, то через год — 773, а к октябрю 1925 г. — 2040. По видам колхозы распределялись следующим образом: коммуны — 206, артели — 604, ТОЗы — 1234 [3]. В то же время колхозы по-прежнему занимали незначительное место в социально-экономической структуре региона. Их удельный вес в массе крестьянских хозяйств к октябрю 1925 г. составлял: по количеству семей — 1,04%, едоков — 1,25%, трудоспособных — 1,39%, размеров посевов — 1,81%, количеству лошадей — 0,82%, крупного рогатого скота — 0,92% [4]. Колхозы были малочисленны по составу и не могли решать серьезные хозяйственные задачи.

Вместе с тем, по сравнению с предшествующим этапом, отличительной особенностью колхозов в середине 1920-х гг. являлась более прочная хозяйственная основа и устойчивый социальный состав. Наиболее популярной формой производственного кооперирования крестьянства стали товарищества по совместной обработке земли. Простота и доступность ТОЗов объяснялась тем, что здесь крестьяне обобществляли основные средства производства лишь на время совместного труда без отказа от личного хозяйства. В примерном уставе ТОЗа отмечалось, что оно «имеет своей целью повышать производительность и доходность своих членов посредством организации совместных полевых работ, общего пользования сельхозмашинами и других мер, направленных на улучшение их хозяйства» [5]. Демократический характер ТОЗов вызывал симпатии середняков, до этого неохотно шедших в колхозы.

В условиях кульминации НЭПа руководство большевистской партии проводило работу по устранению однобоко-прямолинейного подхода части коммунистов к проблемам колхозного строительства. Выступая на III Северо-Кавказской конференции РКП(б), секретарь крайкома А.И. Микоян отмечал: «...Коммуны (являющиеся наиболее гибким видом производственного коммунистического сотрудничества) были бы более желательны, но они не могут получить широкого распространения, не могут заразить своим примером всю многомиллионную массу крестьянства». В то же время он подчеркнул большое значение ТОЗов, способных вовлечь все крестьянство [6].

Местные органы в своей работе уделяли внимание вопросам оказания поддержки колхозам, внедряющим прогрессивные методы организации труда. На заседании кооперативной комиссии при Кубокружке РКП(б) в январе 1925 г. была поставлена задача — обращать более серьезное внимание на хозяйственную агрономическую помощь тем колхозам, которые перешли к многопольному севообороту, исполь-

зованию тракторов, заложили опытные показательные участки [7].

Одним из средств решения существующих в колхозном движении проблем являлось упорядочение организационного построения различных видов колхозов. Это было вызвано тем, что не только в массе населения, но и у многих работников кооперации не было ясного представления о том, к какому виду колхозов отнести то или иное коллективное объединение. На территории бывшей Донской области для всех видов колхозов применялся один термин — «трудовой кооператив» — и действовал одностипный устав, не характерный ни для одного из этих видов. Эта неопределенность порождала недоверие к колхозам со стороны крестьян и казаков [8]. Следствием такой ситуации являлось наличие большого количества «диких» колхозов, существовавших вне кооперативной системы.

В целях устранения указанных недостатков со стороны руководящих органов сельхозкооперации проводилась разъяснительная работа по определению разновидностей колхозов, что находило отражение в периодической печати и специальных брошюрах. Практические действия местных партийных и кооперативных органов были направлены на перерегистрацию уставов и установление типичных для тех или иных видов колхозов правил внутреннего распорядка.

Так, в декабре 1925 г. на заседании комиссии по работе в деревне при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) перед крайколхозобъединением была поставлена задача обследования колхозов. В ходе обследования принимались меры по ликвидации лже-колхозов, совершенствованию уставов с учетом бытовых, сословных и национальных особенностей различных районов края [9]. Всего было обследовано 1100 колхозов, а также организован конкурс на лучший коллектив, в котором участвовало 238 колхозов. В ходе конкурса пропагандировался передовой опыт хозяйствования лучших колхозов, 60 из которых были поощрены премиями [10].

Прогрессивным явлением в деятельности колхозов было осуществление мер по борьбе с сельхозвредителями, что способствовало повышению урожайности, популяризации среди крестьянства применения химических средств. Использование интенсивных методов производства во многих колхозах позволяло сократить затраты на десятину посева. В коммунах Кубани этот показатель составил 8,7 дней против 18,0 дней в единоличных хозяйствах. В соответствии с этим чистый доход на одну десятину посева составил в колхозах 77,4 руб. против 25,7 руб. в единоличных хозяйствах [11]. Урожайность основных зерновых культур в колхозах по Северному Кавказу была в целом выше, чем в единоличных хозяйствах. В коммунах и артелях с десятины посева озимой пшеницы собирали до 100 пуд урожая, в то время как в крестьянских хозяйствах только 84,9 пуд. [12].

С другой стороны, наметившийся с весны 1926 г. поворот в сторону постепенного отхода от принципов НЭПа оказал влияние на усиление односторонне-классового подхода в колхозном строительстве. В связи с этим, осуществлялись меры противодействия зажиточному крестьянству при вступлении в колхозы. В то же время основная ставка в колхозном строительстве все в большей степени делалась на маломощные слои деревни, не способные к самостоятельному подъему хозяйства. В кубанских колхозах большинство из беднейших крестьян было не в состоянии выплатить даже минимальный вступительный взнос. Отсутствие у бедноты рабочего скота и сельхозинвентаря также отражалось на экономической слабости колхозов. Особенно тяжелым было положение в колхозах Ставропольского округа, из которых 50,2% не имели рабочего скота, а обеспечение сельхозмашинами и орудиями составляло 55% [13].

Тем не менее, нарушая законы экономической целесообразности, большевистское руководство принимало меры по поддержке убыточных колхозов. Так, на заседании кооперативного совещания при Кубокружкем ВКП(б)

в декабре 1926 г. было принято решение о пролонгации задолженности многим из них. При этом Севкавсельбанку было предписано немедленно прекратить взыскания с указанных в списке маломощных колхозов, предоставив отсрочку до будущего урожая [14].

В 1927 г. помощь колхозам значительно усилилась. Им передавалась в трудовое пользование земля, бывшая до этого в аренде, закреплялись в качестве неделимого фонда полученные от государства инвентарь, постройки и другое имущество. Землеустройство стало осуществляться за счет государственных средств. Укреплению колхозов способствовали также налоговые льготы. Была установлена скидка 25% от суммы причитающегося налога. Увеличились размеры кредитов. Например, в Кубанском округе к ноябрю 1927 г. кредитование колхозов по сравнению с 1925 г. возросло в 1,5 раза. На долю колхозов приходилось $\frac{3}{4}$ всех кредитов, в то время как единоличные хозяйства испытывали большие затруднения [15].

Вместе с тем принятые меры оказались недостаточными для развития широкого колхозного движения, их применение сдерживалось ограниченными возможностями государства в проведении машиноснабжения, выделении финансовых средств и других вопросах. Поэтому наряду с возникновением новых колхозов параллельно продолжался распад тех из них, которые не могли продолжать свою деятельность из-за экономической слабости. В Кубанском округе, например, по причинам неземлеустройства и необеспеченности сложными машинами в 1927 г. было ликвидировано 88 колхозов [16].

Вследствие этого прирост колхозов в течение 1926/27 гг. был незначителен. Общее их число в масштабах края не превышало 3 тыс. [17]. В округах изменения носили различный характер. Например, в Армавирском округе рост колхозов в указанный период заметно ускорился (число колхозов увеличилось с 213 до 484, т.е. 127,2% по сравнению с предыдущим годом), в Терском округе, напротив, наблюдался их резкий упадок (число колхозов уменьшилось с 266 до 151, т.е. 56,8% по сравнению с предыдущим годом) [18]. В автономных областях колхозы по-прежнему не играли серьезной роли в хозяйственной жизни. В Адыгейской (Черкесской) автономной области по сравнению с 1925 г. количество коммун увеличилось с 5 до 6, сельхозартелей — с 1 до 4, ТОЗов — с 7 до 26 [19]. Соответствующим образом в колхозах края была представлена небольшая часть крестьянских хозяйств, доля которых не превышала 2% от общего их количества.

Таким образом, хозяйственная деятельность колхозов Дона и Северного Кавказа в середине 1920-х гг. привела к противоречивым результатам. С одной стороны, повысилась роль производственной кооперации в хозяйственной жизни региона, многие колхозы демонстрировали высокие результаты производительности труда. С другой стороны, нерешенность ряда организационных и материально-технических проблем, а также отрицательное отношение большинства крестьян и казаков к коллективным формам хозяйствования, оказали влияние на ограниченный характер деятельности колхозов как в целом по стране, так и в Северо-Кавказском регионе.

Примечания:

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 9-е изд. М., 1984. С. 242.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 68. Д. 240. Л. 19.
3. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 4106. Оп. 14. Д. 22. Л. 140.
4. Кооперация в СССР за десять лет. М., 1928. С. 89.
5. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
6. Отчетный доклад А.И. Микояна о работе Северо-Кавказского крайкома РКП(б) на III Северо-Кавказской краевой партконференции. Ростов н/Д, 1925. С. 14.
7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее ЦДНИКК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.

-
8. РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 14. Д. 17. Л. 160.
 9. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 37. Л. 99.
 10. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края и работа земельных органов. Ростов н/Д, 1927. С. 9.
 11. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 40. Л. 44.
 12. РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 6. Л. 256-257.
 13. Советский Юг. 1926. 20 ноября.
 14. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 218. Л. 48.
 15. Там же. Д. 347. Л. 35.
 16. РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 6. Л. 254.
 17. Северо-Кавказский край. 1927. №10. С. 61.
 18. Северо-Кавказский край. 1929. №3. С. 276-279.
 19. Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. 1918-1927 гг. Краснодар, 1959. С. 166.

References:

1. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Central Committee plenums. V. 3. 9th ed. M., 1984. P. 242.
2. The Russian state archives of socio-political history (further RGASPI). F. 17. Op. 68. D. 240. L. 19.
3. The Russian state archives of economy (further RGAE). F. 4106. Op. 14. D. 22. L. 140.
4. Cooperation in the USSR for ten years. M., 1928. P. 89.
5. The National archives of the Republic of Adygheya. F. R-549. Op. 1 . D. 5. L. 1.
6. The summary report of A.I. Mikoyan on the work of the North Caucasian regional committee of the RKP(b) at the III North Caucasian regional party conference. Rostov-on-Don, 1925. P. 14.
7. The center of documentation of the contemporary history of Krasnodar Krai (further TsDNIKK). F. 8. Op. 1. D. 98. L. 2.
8. RGAE. F. 4106. Op. 14. D. 17. L. 160.
9. RGASPI. F. 65. Op. 1. D. 37. L. 99.
10. Agriculture of the North Caucasian region and the work of land bodies. Rostov-on-Don, 1927. P. 9.
11. RGAE. F. 7446. Op. 1. D. 40. L. 44.
12. RGASPI. F. 631. Op. 5. D. 6. L. 256-257.
13. Sovetsky Yug. 1926. November 20.
14. TsDNIKK. F. 8. Op. 1. D. 218. L. 48.
15. Ibidem. D. 347. L. 35.
16. RGASPI. F. 631. Op. 5. D. 6. L. 254.
17. The North Caucasian region. 1927. No. 10. P. 61.
18. The North Caucasian region. 1929. No. 3. P. 276-279.
19. Agriculture collectivization in the Kuban area. 1918-1927. Krasnodar, 1959. P. 166.